

КРУ
В О
ФЛА
О'КОН

A detailed illustration of a peacock with its tail feathers fanned out, positioned behind the text. The peacock's body is a mix of blue and green, and its tail feathers are a vibrant green with many blue and yellow 'eyes'. The background is a solid orange color.

18+

Фланнери О'Коннор

Круг в огне: Рассказы

УДК 821.111-31
ББК 84(7Сое)-44

О'Коннор Ф.

Круг в огне: Рассказы / Ф. О'Коннор —

ISBN 978-5-00-223844-6

Проза выдающейся американской писательницы Фланнери О'Коннор следует традиции американского Юга – ей свойственна приверженность готике и гротеску, напряжение расового противостояния и нравственных проблем, острое ощущение трагичности бытия. И хотя в тональности ее прозы может видеться безысходность, благодать, по мысли писательницы-католички, способна преобразить даже того, кто ее не замечает. Ее тексты действуют не только на уровне чтения-понимания – но в глубине сердца, терапевтически. В книгу вошли избранные рассказы в переводах Леонида Мотылёва, большая часть из которых публикуется впервые.

УДК 821.111-31

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-00-223844-6

© О'Коннор Ф.

Содержание

От переводчика	8
Храм Святого Духа	9
Круг в огне	17
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Фланнери О'Коннор

Круг в огне

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436–ФЗ от 29.12.2010 г.)

18+

Переводчик: *Леонид Мотылёв*

Редактор: *Любовь Сумм*

Издатель: *Павел Подкосов*

Главный редактор: *Татьяна Соловьёва*

Руководитель проекта: *Мария Ведюшкина*

Художественное оформление и макет: *Юрий Буга*

Корректоры: *Татьяна Мёдинггер, Елена Рудницкая*

Верстка: *Максим Поташкин*

A Temple of the Holy Ghost © Flannery O'Connor, 1954 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1982

A Circle in the Fire © Flannery O'Connor, 1954 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1982

The Artificial Nigger © Flannery O'Connor, 1955 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1983

The Displaced Person © Flannery O'Connor, 1954 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1982

A Stroke of Good Fortune © Flannery O'Connor, 1949 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1977

The Comforts of Home © Flannery O'Connor, 1960 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1988

A Good Man Is Hard to Find © Flannery O'Connor, 1953 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1981

Good Country People © Flannery O'Connor, 1955 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1983

The Enduring Chill © Flannery O'Connor, 1958 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1986

A View of the Woods © Flannery O'Connor, 1957 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1985

Judgement Day © The Estate of Flannery O'Connor, 1965 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1993

The Lame Shall Enter First © Flannery O'Connor, 1962 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1990

Parker's Back © The Estate of Flannery O'Connor, 1965 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1993

Revelation © Flannery O'Connor, 1964 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1992

© Л. Мотылёв, перевод

© Художественное оформление, макет. ООО «Альпина нон-фикшн», 2026

* * *

ФЛАННЕРИ О'КОННОР КРУГ В ОГНЕ

Перевод с английского Леонида Мотылёва

альпина
ПРОЗА

Москва, 2026

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

От переводчика

Этот сборник переведенных мной рассказов Фланнери О'Коннор складывался постепенно. В него вошли почти все ее рассказы, которые лично мне представляются лучшими. Четыре из четырнадцати уже публиковались в моем переводе («Храм Святого Духа», «Счастье», «Лесная картина», «Спина Паркера»), десять издавались в версиях других переводчиков, в их числе – восемь из одиннадцати, вошедших в сборник 1974 года, который открыл русскоязычному читателю этого автора. Над рассказами из того сборника трудились далеко не худшие переводчики советской школы (М. Беккер, С. Белокриницкая, А. Кистяковский, М. Литвинова, М. Зинде, Л. Беспалова, В. Муравьев, И. Архангельская, Ю. Жукова, М. Кан, И. Бернштейн), редактировали его Е. Калашникова и М. Лорие. Это обязывает меня объяснить хотя бы кратко свое решение сделать новые переводы.

Проза Фланнери О'Коннор (1925–1964) – проза глубоко верующего человека, католички, жившей в протестантском окружении на Юге США. «Я пишу так, как пишу, благодаря (а не вопреки) тому, что я католичка <...> – писала она в письме. – Вместе с тем я католичка, на диковинный лад обладающая современным сознанием. <...> Обладать им, пребывая в лоне Церкви, – <...> значит ощущать нынешнюю ситуацию на предельном уровне». Главные стилистические приемы, которые она использует, чтобы поделиться своим восприятием современности, пробиться к читателю с иным, выхолощенным (как она считала) мировоззрением, к читателю, зачастую полагающему, что «Бог умер», – это, во-первых, парадоксальность, соединение смешного, возвышенного и страшного (гротеск) и, во-вторых, символическая двуплановость текста, избыливающего явными и неявными перекличками с Ветхим и Новым Заветом, но в то же время текста бытового, приземленного. С этой бытовой приземленностью переводчики советского времени в целом справились очень хорошо, а вот с перекличками – далеко не всегда. Я заметил, что существующие переводы нередко дают сбой в ключевых местах, где двуплановость прозы О'Коннор, ее связь со Священным Писанием, с богословием даже, проявляется с особой силой. Размывается, а то и совсем теряется главное, с чем она обращалась к читателю.

И, кроме того, я во многих случаях просто немного иначе слышу прозу О'Коннор и немного иначе вижу картины, которые она рисует.

Хотя она была против излишне рьяных попыток истолковывать ее произведения, я, не претендуя на сколько-нибудь полное истолкование, даю в некоторых местах сноски, поясняющие связь этих мест с образами и идеями из Ветхого и Нового Завета. Русскоязычный читатель, как мне думается, несколько хуже улавливает такие переклички, чем англоязычный читатель О'Коннор.

Леонид Мотылёв

Храм Святого Духа

Весь уик-энд две девочки называли друг друга Храм Номер Один и Храм Номер Два, покатывались со смеху и делались такие красные и потные, что противно смотреть, – особенно Джоанна, у которой и без того лицо было в прыщах. Они приехали в коричневых монастырских форменных платьях, какие носят воспитанницы в Маунт-Сент-Сколастика, но первым делом, едва открыв чемоданчики, сняли платья и надели красные юбки и яркие блузки. Губы накрасили помадой, обулись в выходные туфли на каблуке и начали расхаживать туда-сюда по всему дому, всякий раз приостанавливаясь перед длинным зеркалом в холле полюбоваться на свои ноги. Дочурка примечала все, что они делали. Если бы из двоих приехала одна, эта одна с ней бы играла, но они приехали обе, так что дочурка, оказавшись не у дел, подозрительно разглядывала их издали.

Им было по четырнадцать лет, на два года больше, чем ей, но умом ни та ни другая не блистала, потому-то их и отдали в монастырскую школу. Если бы они ходили в обычную, у них только и было бы в голове что мальчишки, а в монастыре, сказала ее мама, сестры держат их в строгости. Понаблюдав за ними несколько часов, дочурка сделала вывод, что они набитые дуры, и ей приятно было думать, что она им всего-навсего троюродная сестра и вряд ли могла унаследовать ту же самую тупость. Сюзен называла себя Сюзан. Она была тощая-претошая, но с миловидным остреньким личиком, волосы рыжие. У Джоанны волосы были соломенного цвета и вились сами собой, но говорила она в нос и, когда смеялась, багровела пятнами. За все время они не сказали ни одного умного слова, все их фразы начинались примерно так: «А знаешь, парень-то этот...» или «А знаешь, что он однажды...»

Они приехали на весь уик-энд, и ее мама сказала, что не знает, как их развлекать, потому что у нее нет на примете мальчишек их возраста. Услышав это, дочурка, которую вдруг осенило, закричала: «Чит! Пускай Чит приедет! Попроси мисс Керби его позвать, он им покажет окрестности!» И она поперхнулась куском. Смех согнул ее пополам, и онахватила по столу кулаком, глядя на ошеломленных девочек, а у самой тем временем по пухлым щекам текли слезы и в открытом рту блестели сталью пластинки для исправления зубов. Смешней ей никогда ничего не приходило в голову.

Ее мать тоже засмеялась, но сдержанно, а мисс Керби покраснела и изысканно поднесла ко рту вилку с одной-единственной горошиной. Эта длинносица светловолосая учительница жила у них на пансионе, а мистер Читем был ее воздыхатель – богатый старый фермер, приезжавший каждую субботу на светло-голубом «понтаике» пятнадцатилетнего возраста, припорошенном красной глиняной пылью. Внутри машины было черным-черно от негров, которых он в субботу отвозил в город, беря с каждого по десять центов. Высадив их, он шел к мисс Керби, причем всякий раз с приношением – то с пакетиком вареного арахиса, то с арбузом, то с палочкой сахарного тростника, а однажды привез большую коробку со сладкими батончиками «бэби Рут». Он был лысый, если не считать узкой волосяной каемки ржавого оттенка, а краснотой лица походил на грунтовые местные дороги – и такие же, как на них, колеи и колдобины. На нем всегда была салатовая рубашка в тонкую черную полоску и синие подтяжки. Брюки резали пополам его вываливающийся живот, который он время от времени нежно поглаживал широким и плоским большим пальцем. Все зубы у него были с золотом, и он, поглядывая на мисс Керби, игриво вращал глазами и приговаривал: «Хо-хо». Он сидел при этом на качелях у них на веранде, широко расставив ноги в высоких ботинках, чьи носы на полу торчали в разные стороны.

– Я не думаю, что Чит в этот уик-энд будет в городе, – сказала мисс Керби, совершенно не понимая, что это была шутка, и дочурка, снова забившись в конвульсиях, так откинулась

на спинку стула, что полетела на пол и лежала там, досмеивалась. Мать сказала, что, если это безобразие не прекратится, она отправит ее вон из-за стола.

Накануне мать сговорила с Алонсо Майерсом, что он отвезет их за сорок пять миль в Мэйвилл, где находится монастырь, чтобы забрать девочек на уик-энд. Вечером в воскресенье он должен был доставить их обратно. Ему было восемнадцать лет, но он весил двести пятьдесят фунтов, работал в таксомоторной компании, и если надо было куда-нибудь ехать, то без него никак. Он курил или, точнее, жевал короткую черную сигару, и сквозь вырез желтой нейлоновой рубашки видна была его выпуклая потная грудь. На время езды все окна в машине пришлось открыть.

– Тогда Алонсо! – завопила дочурка с пола. – Пусть Алонсо им все покажет! Отлично! Девочки, которые видели Алонсо, громко запротестовали.

Мать подумала, что это тоже смешно, но, сказав ей: «Хватит, сколько можно», переменила тему. Она спросила, почему они называют друг друга Храм Номер Один и Храм Номер Два, и нагнала на них этим вопросом целую бурю хихиканья. Наконец они, кое-как справившись с собой, объяснили. Сестра Перпетуа, старшая из мэйвиллских сестер милосердия, прочла им наставление о том, что делать, если молодой человек – тут их разобрал такой смех, что невозможно было продолжать, пришлось начать сызнова, – что делать, если молодой человек – тут их головы бессильно упали на колени, – что делать, если – и вот они смогли наконец это проорать – если он станет «вести себя с ними неподобающим образом на заднем сиденье автомобиля». Сестра Перпетуа сказала, что они должны тогда призвать его к порядку словами: «Прекратите немедленно! Я – Храм Святого Духа!» Дочурка с отрешенным видом села на полу прямо. В этом она как раз ничего смешного не находила. Что действительно было смешно – это идея дать им в кавалеры мистера Читема или Алонсо Майерса. Животики надорвешь.

Мать, слушая их, тоже не смеялась.

– Что ж вы, девочки, такие глупенькие, – сказала она. – Если подумать, ведь и правда каждая из вас – Храм Святого Духа¹.

Обе подняли на нее глаза и вежливо подавили хихиканье, но лица сделались изумленные, как будто они вдруг поняли, что она такая же, как сестра Перпетуа.

Выражение лица мисс Керби было неизменно, и дочурка подумала – да, это, конечно, выше ее понимания. Я – Храм Святого Духа, сказала она себе, и ей понравилось. Ощущение, словно тебе сделали подарок.

После обеда мать рухнула на кровать и сказала:

– Эти девочки – просто ужас. Если я им не придумаю никакого развлечения, они с ума меня сведут.

– А я знаю, кого можно позвать, – заявила дочурка.

– Так, послушай меня. Про мистера Читема ты уже сказала, и хватит. Ты смущаешь мисс Керби. Он же ее единственный друг. Боже ты мой, – мать села на кровати и печально посмотрела в окно, – бедняжка от одиночества соглашается даже ездить в этой машине, где пахнет, как в последнем круге ада.

Но она тоже Храм Святого Духа, мелькнуло у дочурки в голове.

– Нет, я не про него подумала, – сказала она. – Помнишь Уэнделла и Кори Уилкинсов, которые гостят у старушки Бучелл? Это ее внуки. Они работают у нее на ферме.

– Вот это другое дело, – проговорила мать и уважительно посмотрела на нее. Но потом опять сникла. – Нет, они же деревенские. Девочки перед ними носы задерут.

¹ Отсылка к Новому Завету: «Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои?» (1Кор. 6: 19). (Здесь и далее примечания переводчика. Здесь и далее цитаты из Библии даются в Синодальном переводе.)

– Не задерут, – сказала дочурка. – Они же брюки носят. Им по шестнадцати лет, у них машина. Кстати, я слыхала, что оба хотят стать пасторами Церкви Бога². Там ведь можно и ни бельмеса не знать.

– Что ж, с этими ребятами они по крайней мере будут в безопасности, – сказала мать и, встав, позвонила их бабушке. После получасового разговора они условились, что Уэнделл и Кори приедут к ужину, а потом повезут девочек на ярмарку.

Сьюзен и Джоанна пришли в такой восторг, что тут же вымыли головы и накрутили волосы на алюминиевые бигуди. Ха, подумала дочурка, сидевшая на кровати по-турецки и смотревшая, как они снимают бигуди. Поглядим, как вы переварите хорошую порцию Уэнделла и Кори!

– Вам они понравятся, – сказала она. – Уэнделл – рост шесть футов, волосы рыжие. Кори – шесть футов шесть дюймов, волосы черные, носит спортивный пиджак, и у них машина с беличьим хвостом на антенне.

– С какой стати такая кроха столько всего знает про взрослых парней? – спросила Сьюзен и приблизила лицо к зеркалу вплотную, чтобы увидеть, как расплываются зрачки.

Дочурка легла на кровать лицом вверх и стала считать узкие потолочные доски, пока не перенеслась в другое место. Я хорошо их знаю, сказала она кому-то. Мы вместе сражались на мировой войне. Они служили у меня под началом, и я пять раз спасала их от японских летчиков-самоубийц, и Уэнделл сказал – я женюсь на этой девчонке, а другой ему – дудки, не ты, а я, а я говорю – ни тот ни другой, потому что вы оба сейчас пойдете у меня под трибунал.

– Я их видела, только и всего, – сказала она.

Когда они приехали, девочки секунду-другую на них тарасились, а потом начали хихикать и говорить между собой про монастырь. Девочки сидели рядышком на качелях, а Уэнделл и Кори – на перилах веранды. Парни сидели по-обезьяньи – колени на уровне плеч, руки свисают между колен. Оба были малорослые и худые, с красными лицами, высокими скулами и бледными глазками-семечками. Они принесли губную гармонику и гитару. Один негромко затянул что-то на гармонике, рассматривая девочек поверх нее, другой принялся брэнчать на гитаре, а потом запел, не глядя на них, с запрокинутой головой, как будто ему интересно было только слушать себя самого. Он пел деревенскую, которая звучала у него наполовину как любовная, наполовину как гимн.

Дочурка стояла на бочке в кустах сбоку от дома, лицо на одном уровне с полом веранды. Солнце садилось, и небо в лад сладко-печальной музыке окрашивалось в цвет синяка. Уэнделл, продолжая петь, заулыбался и начал поглядывать на девочек. Он уставился на Сьюзен собачьим любящим взором и затянул:

*Я друга нашел в Иисусе,
Он – жизнь и начало начал,
Он – лилия долины,
Свободу Он мне даровал!*

Потом обратился тот же взгляд на Джоанну и запел:

*Стеной окружен огневою,
Я страха не ведаю с Ним,
Он – лилия долины,
Я вечно Им буду храним!*

² Церковь Бога – христианское пятидесятническое религиозное объединение с центром в Кливленде, штат Теннесси.

Девочки переглянулись, и каждая, чтобы не захихикать, прикусила нижнюю губу, но Сьюзен все-таки прыснула и прихлопнула рот ладонью. Певец помрачнел и несколько секунд только тренькал струнами. Потом затянул «Старый крест на холме»³, и они вежливо выслушали, но, когда он кончил, сказали: «Теперь наша очередь!» – и прежде, чем он успел начать новую, запели натренированными монастырскими голосами:

*Tantum ergo Sacramentum
Veneremur cernui,
Et antiquum documentum
Novo cedat ritui*⁴.

Дочурка увидела, как серьезные лица парней повернулись друг к другу и выражение их стало нахмуренно-обескураженным, как будто парни не знали точно, смеются над ними или нет.

*Præstet fides supplementum
Sensuum defectui.
Genitori, Genitoque
Laus et jubilatio,
Salus, honor, virtus quoque...*

В серо-фиолетовых сумерках лица парней стали темно-багровыми. Вид у обоих был злой и удивленный.

*Sit et benedictio;
Procedenti ab utroque
Compar sit laudatio.
Amen.*

Девочки вывели «Аминь», и сделалось тихо.

– Еврейские, что ли, песенки, – сказал Уэнделл и стал настраивать гитару.

Девочки глупо захихикали, но тут дочурка топнула ногой по бочке.

– Дурной ты бычина! – заорала она. – Дурной бычина из Церкви Бога!

Вопя, она свалилась с бочки; они попрыгали с перил посмотреть, кто кричал, а она, мигом поднявшись, метнулась от них за угол дома.

Мать устроила ужин на заднем дворе, где над столом, как всегда у них в таких случаях, горели японские фонарики.

– Я с ними за стол не сяду, – сказала дочурка, схватила со стола свою тарелку и унеслась с нею на кухню, где поужинала в обществе тощей чернокожей кухарки с синими деснами.

– Ну что ж ты гадкая такая бываешь, – посетовала кухарка.

– Я не виновата, что они идиоты, – отозвалась дочурка.

Фонарики оранжево подсвечивали листву на своем уровне, выше она была черно-зеленая, а ниже перемежались разные цвета, неяркие, приглушенные, делавшие девочек за столом милевиднее, чем они были. Время от времени дочурка поворачивала голову и смотрела в кухонное окно на то, что происходило внизу.

³ «The Old Rugged Cross» – христианский гимн, сочиненный в 1912 г. американским методистским пастором Джорджем Беннардом (1873–1958).

⁴ Девочки поют по-латыни католический гимн, связанный с обрядом адорации (поклонения Святым Дарам), в конце которого священник благословляет паству дароносицей. Текст гимна написан Фомой Аквинским (1225–1274).

– Бог может взять и сделать тебя слепоглухонемой, – сказала кухарка. – Тогда небось не будешь уже такая умненькая.

– Все равно буду умней, чем некоторые, – отозвалась дочурка.

После ужина они отправились на ярмарку. Она тоже туда хотела, но не с ними – позвали бы даже, все равно бы не поехала. Она поднялась наверх и стала ходить по длинной спальне, сцепив руки за спиной и наклоня голову вперед, лицо яростное и в то же время мечтательное. Электричество не включала, позволяя темноте сгуститься и сделать комнату более маленькой и укромной. Через равные промежутки времени открытое окно пересекал сноп света, кладя на стену тени. Она остановилась и стала смотреть наружу поверх темных откосов, поверх отсвечивающего серебром пруда, поверх стены леса на крапчатое небо, где поворачивался, двигаясь вверх, и вокруг, и вдаль, точно шаря в воздухе в поисках потерянного солнца, длинный световой палец. Это был луч ярмарочного маяка.

Ей слышны были дальние звуки каллиопы⁵, и внутренним зрением она видела все шатры в сиянии золотой пыли, видела бриллиантовое кольцо колеса обозрения с его бесконечным движением по воздушному кругу, видела скрипучую карусель с ее бесконечным движением по кругу наземному. Ярмарка длилась пять или шесть дней, в один из которых после полудня специально приглашались школьники, в другой, вечером, – негры. В прошлом году она была там в школьное время и повидала обезьянок и толстяка, покаталась на колесе обозрения. Некоторые шатры были закрыты, потому что там показывали такое, что полагалось знать только взрослым, но она с интересом разглядывала рекламу на этих шатрах – блеклые холсты с людьми в трико, смотревшими жестко-напряженно-спокойно, как мученики, которым римский солдат вот-вот отрежет языки. Она вообразила, что происходящее внутри имеет отношение к медицине, и решила, что, когда вырастет, будет врачом.

С тех пор она передумала и собиралась выучиться на инженера, но теперь, глядя в окно на вращающийся луч, который укорачивался, удлинялся, чертил по небу световую дугу, она почувствовала, что должна стать чем-то куда большим, чем врач или инженер. Она должна стать святой, потому что сюда входит все, что только может быть; и в то же время она понимала, что святости ей не видать. Она, конечно, не воровка и не убийца, но прирожденная врушка и лентяйка, огрызается на мать и нарочно грубит всем подряд. Ее к тому же гложет грех гордыни, худший из всех. Она высмеивала баптистского пастора, который пришел к ним в школу на выпускной акт. Она опускала углы рта и хваталась за лоб, изображая сокрушение, и печально произносила нараспев – в точности как он: «Благодари-им Тебя-а, Оте-ец наш небе-есный». А ведь ей много раз было говорено, что не надо ничего такого делать. Нет, святой из нее не получится, но мученицей она, может быть, и смогла бы стать, если бы ее не слишком долго убивали.

Ей по силам был бы расстрел, но не кипящее масло. Было бы ей по силам или нет, если бы ее отдали на растерзание львам, она не знала. Она принялась репетировать мученичество, представляя себя в трико на громадной арене, озаренной висящими в огненных клетях первохристианами, свет от которых падал на нее и на львов пыльными всполохами. Первый лев кинулся было – и упал к ее ногам, обращенный. Стали пускать льва за львом – и каждый раз та же картина. Львы так ее полюбили, что она с ними даже спала, и наконец римляне решили ее сжечь, но, к их изумлению, она не горела, и, увидев, как трудно ее убить, они в конце концов быстренько отрубили ей голову мечом, и она отправилась напрямиком на небо. Она прокрутила это несколько раз, возвращаясь от вступления в Рай ко львам.

Наконец она отошла от окна, приготовилась ко сну и легла, не помолившись. В комнате стояли две массивные двуспальные кровати. Вторую отвели девочкам, и она попыталась придумать что-нибудь холодное и склизкое, что можно было бы им подложить, но безрезультатно.

⁵ Каллиопа – клавишный музыкальный инструмент, род парового органа.

Ничего подходящего вроде цыплячьей тушки или куска говяжьей печени у нее не было. Долетавшие через окно звуки каллиопы не давали ей уснуть, и, вспомнив, что не помолилась, она встала, опустилась на колени и начала. Сразу взяв быстрый темп, проскочила Символ Веры и повисла подбородком на краю кровати, пустая, как барабан. Ее молитвы, когда она не забывала их произнести, были чаще всего формальностью, но иногда, совершив дурной поступок, или услышав музыку, или потеряв что-то, – а то и вовсе без причины – она доходила до яростного накала и представляла себе Христа на долгом пути к Голгофе, трижды изнемогшего под тяжестью грубого креста. На какое-то время она сосредоточивалась на этом, потом сознание ее пустело, а когда что-то ее пробуждало, оказывалось, что она думала о совсем постороннем – о какой-нибудь собаке, или девочке, или о чем-нибудь, что она собиралась сделать в будущем. Сегодня, подумав про Уэнделла и Кори, она преисполнилась благодарности и, чуть не плача от восторга, произнесла:

– Боже, Боже, спасибо Тебе за то, что я не в Церкви Бога, спасибо Тебе, Боже, спасибо!
И, улегшись обратно в кровать, повторяла и повторяла это, пока не заснула.

Девочки пришли без четверти двенадцать и разбудили ее хихиканьем. Включив маленькую лампу под синим абажуром, стали раздеваться, и тощие их тени взбирались по стене, переламывались и мягко-подвижно продолжались по потолку. Дочурка села послушать разговоры про ярмарку. У Сьюзен был пластмассовый пистолетик, заряженный дешевыми леденцами, а у Джоанны – картонная кошечка в красный горошек.

– Ну что, видели танцующих обезьянок? – спросила дочурка. – И толстяка, и карликов?

– Да, там полно всяких уродцев, – ответила Джоанна. Потом обратилась к Сьюзен: – Мне все понравилось, кроме сама знаешь чего.

На ее лице появилось странное выражение – такое, словно она откусила от чего-то и не знает, по вкусу ей или нет.

Сьюзен секунду постояла неподвижно, потом крутанула головой и легким кивком показала на дочурку.

– Мала, да любопытна, – сказала она тихо, но дочурка услышала, и сердце застучало быстро-быстро.

Она спрыгнула на пол, подошла к ним и села у них в ногах на кроватную спинку. Они погасили свет и легли, но она не двигалась. Сидела, буравя глазами мрак, пока в нем не проступили их лица.

– Мне меньше лет, чем вам, – сказала она, – но я в миллион раз умней.

– Есть вещи, – сказала Сьюзен, – которых девочки в твоём возрасте еще не понимают.

И обе захихикали.

– Иди в свою кровать, – сказала Джоанна.

Но дочурка не двигалась.

– Один раз, – промолвила она голосом, глухо звучащим во тьме, – я видела, как у крольчихи рождаются крольчата.

Наступила тишина. Потом Сьюзен спросила:

– И как же?

По безразличному тону дочурка поняла, что они у нее на крючке. Она заявила, что не скажет, пока они не скажут про «сама знаешь что». На самом-то деле она никогда не видела, как рождаются крольчата, но она об этом тут же забыла, едва они начали про то, что происходило в шатре.

Там было человеческое существо, которое как-то звали, но они не могли вспомнить как. Шатер, где его показывали, был разделен надвое черным занавесом – на одной стороне мужчины, на другой женщины. Существо побывало сначала на мужской половине, потом на женской, поговорило и с теми и с другими, но слышно было всем. Помост тянулся вдоль всего шатра. Девочки слышали, как существо сказало мужчинам: «Вы сейчас увидите мое устрой-

ство, и, если будете смеяться, Бог и вас может наказать, как меня». Выговор у него был деревенский – медленный и в нос, голос не высокий и не низкий, просто никакой. «Бог меня так сотворил, и, если вы будете смеяться, Он и вас может наказать, как меня. Чтобы у меня было такое устройство, это Он захотел, и я с Его волей не спорю. Я показываюсь, потому что мне надо с этим жить и мириться. Прошу вас вести себя как леди и джентльмены. Бог мне это устроил, я тут ни при чем. Просто мне надо с этим жить и мириться. Я не спорю и не возмущаюсь». На другой половине шатра надолго затихло, потом наконец существо перешло от мужчин к женщинам и повторило те же слова.

Дочурка почувствовала, что все мышцы в ней напряглись до единой, как будто ей говорили отгадку, еще более мудреную, чем сама загадка.

– У него что, две головы? – спросила она.

– Нет, – сказала Сьюзен. – Это непонятно кто – и мужчина и женщина. Оно задрало платье и показало нам. На нем было голубое платье.

Дочурка едва не спросила, как можно быть и мужчиной и женщиной, если у тебя одна голова, но не стала. Ей захотелось лечь обратно к себе и все обдумать, и она начала слезать с их кровати.

– Теперь давай про крольчиху, – сказала Джоанна.

Дочурка приостановилась, и над спинкой показалось только ее лицо, рассеянное и отсутствующее.

– Она их выплюнула изо рта, – сказала она, – всех шестерых.

Лежа в постели, она попыталась представить себе существо, расхаживающее по шатру от края до края, но была для этого слишком сонная. Отчетливей представились ей деревенские лица зрителей – у мужчин еще более торжественные, чем в церкви, у женщин сурово-вежливые, с неподвижными нарисованными глазами, – и все стоят с таким видом, будто ждут звуков пианино перед началом гимна. Ей слышалось, как существо говорит:

– Бог меня так сотворил, и я с Его волей не спорю, – а публика отвечает:

– Аминь. Аминь.

– Бог мне это устроил, и я славлю Его.

– Аминь. Аминь.

– Он и вас мог наказать, как меня.

– Аминь. Аминь.

– Но не наказал.

– Аминь.

– Восстань же, храм Святого Духа. Ты, ты! Ведомо ли тебе, что ты Господень храм? Неведомо? В тебе живет Дух Господень, тебе это ведомо?

– Аминь. Аминь.

– Если кто осквернит храм Господень, Господь сокрушит его, а будете смеяться – Он и вас может наказать, как меня. Свят Господень храм. Аминь. Аминь.

– Я – храм Святого Духа.

– Аминь.

Люди начали ритмично хлопать в ладоши, но совсем негромко, перемежая «аминь» с хлопками, которые становились все тише и тише, как будто люди знали, что рядом засыпает дочурка.

Назавтра во второй половине дня девочки опять облачились в коричневые монастырские платья, и мать с дочуркой проводили их обратно в Маунт-Сент-Сколастика. «Жуть, ужас! – стонали они. – Снова на родимую каторгу». Их опять вез Алонсо Майерс, дочурка сидела

с ним спереди, а мать, сидя сзади посерединке, говорила девочкам всякое-разное насчет того, как приятно было провести с ними время, как она хочет, чтобы они приезжали еще, какими хорошими подругами для нее были их матери, когда все они были девочками и учились в монастырской школе. Дочурка к этой болтовне не прислушивалась; придвинувшись к дверце машины вплотную, она высунула голову в окно. Они надеялись, что по случаю воскресенья от Алонсо не будет так пахнуть, – но напрасно. Ветром ей надуло на лицо волосы, и сквозь них она могла смотреть прямо на солнце цвета слоновой кости, обрамленное предвечерней синевой. Когда она их отвела, пришлось скосить глаза.

Маунт-Сент-Сколастика была красным кирпичным зданием в глубине сада в самом центре городка. По одну сторону от монастыря бензозаправка, по другую пожарное депо. Вокруг сада шел высокий черный решетчатый забор, узкие дорожки среди старых деревьев и густо цветущих кустов камелии были вымощены кирпичом. Впустившая их в дом толстая суетливая круглолицая монахиня обняла ее мать и собралась было облапить ее тоже, но она выбросила вперед руку и сделала серьезное хмурое лицо, уставившись мимо тувель монахини на стенную панель. Они даже домашних детей норовили целовать, но эта монахиня энергично потрясла дочуркину ладонь, так что пальцы маленько хрустнули, и сказала – милости прошу в церковь, там как раз начинается благословение. Ступишь к ним на порог – и все, молись давай, думала дочурка, пока они торопливо шли по лакированному полу коридора.

Можно подумать – на поезд надо успеть, продолжала она в таком же гадком ключе, когда они вошли в церковь, где сестры стояли на коленях по одну сторону, а воспитанницы, все в коричневых форменных платьях, – по другую. Пахло курениями. Церковь была светло-зеленая и золотая, с вереницей арок, которая завершалась аркой над алтарем. Там перед дароносицей, низко склонясь, стоял на коленях священник. За ним виднелся мальчик в белом стихаре, качавший кадило. Дочурка стала на колени между матерью и монахиней, и лишь когда они сильно углубились в «*Tantum ergo*», гадкие мысли кончились, и она почувствовала приближение к Богу. Помоги мне не быть такой скверной, начала она механически. Сделай так, чтобы я меньше на нее огрызалась. Помоги держать за зубами мой злой язык. Внутри у нее стало спокойно, а потом и пусто, но когда священник поднял дароносицу со светящейся матовым светом гостией, она думала про ярмарочный шатер с этим существом. Существо говорило: «Я с Его волей не спорю. Чтобы у меня было такое устройство, это Он захотел».

Когда выходили из монастыря, толстая монахиня злоредно схватила ее и чуть не задушила в складках черного одеяния, притиснув щекой к распятию на поясе; затем отстранила и уставилась на нее маленькими фиолетово-голубыми глазками.

На обратном пути они с матерью сидели сзади, оставив Алонсо одного. Дочурка насчитала у него над воротником три складки жира и отметила, что уши у него острые – почти свиные. Мать, поддерживая беседу, спросила его, был ли он на ярмарке.

– Был, – сказал он, – все посмотрел, ничего не пропустил, и хорошо, что поторопился: на той неделе уже ничего не будет, хотя говорили, что будет.

– Почему? – спросила мать.

– Запретили, – сказал он. – Из города понаехали какие-то пасторы, посмотрели, нажаловались, и полиция запретила.

Мать не стала продолжать разговор, и круглое лицо дочурки сделалось задумчивым. Она повернула его к окну и стала смотреть на придорожное пастбище, которое поднималось и опускалось, насыщаясь зеленью по мере приближения к темному лесу. Солнце было огромным красным шаром, подобным вознесенной гостии, пропитанной кровью, и когда оно, садясь, скрылось из виду, на небе осталась полоса, похожая на красную глинистую дорогу, висящую поверх деревьев.

Круг в огне

Иногда граница леса была сплошной серо-синей стеной чуть темнее неба, но в этот день она была почти черной, а небо за ней казалось раскаленным добела.

– Слыхали про эту, которая в железном легком⁶ родила? – спросила миссис Причард.

Девочка смотрела на нее и на свою мать сверху вниз в окно второго этажа. Миссис Причард, сложив руки на полке своего живота, прислонилась к дымоходу их дома, одну ногу она завела за другую и уперла носком в землю. Она была крупная женщина с небольшим лицом, острым подбородком и зорким вспарывающим взглядом. Миссис Коуп, напротив, была очень маленькая и опрятная, лицо при этом большое, круглое, а черные глаза, казалось, все время расширялись за стеклами очков, как будто она постоянно из-за чего-то изумлялась. Сидя на корточках, она пропалывала цветник вокруг дома. Шляпы, которыми обе женщины защищали головы от солнца, когда-то были одинаковые, но теперь у миссис Причард она выцвела и потеряла форму, тогда как у миссис Коуп шляпа оставалась крепкой и ярко-зеленой.

– Я про нее читала, – сказала она.

– Она мне свойственница была далекая по мужу, шести– или семиюродная. Тоже Причард, но вышла за Брукинза.

– Ясно, ясно, – пробормотала миссис Коуп и отбросила себе за спину большой пучок сьти. Она боролась с сьтью и другими сорняками так, будто это зло, насылаемое напрямик самим дьяволом, чтобы погубить ферму.

– Мужу родня, вот мы туда на похороны и поехали, – сказала миссис Причард. – Младенчика тоже видели.

Миссис Коуп ничего на это не ответила. Она привыкла к этим жутким историям; говорила, что они вконец истрепали ей нервы. Миссис Причард не лень было отправиться за тридцать миль ради удовольствия увидеть, как кого-то кладут в землю. Миссис Коуп всегда переводила разговор на что-нибудь положительное, но девочка заметила, что у миссис Причард настроение от этого только портится.

Девочка подумала, что пустое небо словно бы напирает на крепостную стену леса, пытается ее проломить. В кронах деревьев за ближним полем сероватая зелень соседствовала с пожелтевшей. Миссис Коуп вечно боялась пожара в своих лесных угодьях. Когда вечером поднимался сильный ветер, она обращалась к девочке: «Так ветрено, помилуй нас, Господи! Помогите, чтобы нигде не загорелось», но девочка только хмыкала из-за своей книжки или вообще не удостоивала мать ответом, потому что ничего нового. Бывало, летним вечером они сидели на веранде, девочка торопилась читать, пока еще есть немного света, а миссис Коуп говорила ей: «Встань-ка, поднимись, посмотри, какой чудесный закат. Нет, ты встань, посмотри», и девочка в ответ хмурилась и молчала – или бросала короткий взгляд через лужайку и два передних пастбища на серо-синюю древесную стражу, а затем вновь опускала глаза в книжку с тем же выражением лица; порой бормотала из вредности: «Кажется, пожар в лесу. Ты сама бы встала, принялась и поглядела».

– Она в гробу его одной рукой обнимала, – продолжала миссис Причард, но ее голос заглушило тарахтение трактора, на котором приближался по дороге со стороны сарая негр Калвер. На прицепе за трактором сидел и трясся, свесив ноги с заднего края почти до земли, еще один негр. Трактор миновал закрытые ворота, что вели в левое поле.

Повернув голову, миссис Коуп увидела, что Калвер не поехал через ворота: поленился, стало быть, слезть и открыть их. Отправился длинным путем в объезд за ее счет.

⁶ Имеется в виду устройство искусственного дыхания для людей с дыхательными нарушениями из-за полиомиелита. Люди могли находиться в таких устройствах не только в больницах, но и дома, и не всем они требовались ежеминутно.

– Скажите ему, пусть остановится и подойдет! – прокричала она.

Миссис Причард подалась вперед от дымохода и махнула ему, описав рукой неистовый круг, но он делал вид, что не слышит и не видит. Она подошла к краю лужайки и громко подала голос:

– Слазь, говорят же тебе! Она зовет!

Он слез и двинулся по направлению к дымоходу, при каждом шаге наклоняя голову и плечи вперед толчками, чтобы изобразить спешку. На его голову была плотно нахлобучена белая матерчатая шляпа в разводах пота разных оттенков. Из-под опущенных полей виднелись только нижние части красноватых глаз.

Миссис Коуп стояла на коленях, воткнув в землю садовый совок.

– Почему через ворота не поехал? – спросила она его и стала ждать, прикрыв глаза и растянув сомкнутые губы, как будто была готова к любому нелепому ответу.

– Лезвие косилки подымать тогда, – сказал он и уставил взгляд не на нее, а чуть левее. Ее негры были как сыть – такие же безличные губители.

Ее глаза, когда она их открыла, выглядели так, словно будут расширяться и расширяться, пока она вся не вывернется наизнанку.

– Подними, – сказала она и показала совком через дорогу.

Он пошел к трактору.

– Им хоть бы хны, – сказала она. – Ответственности ни на грош. Я благодарю Господа, что все это разом на меня не наваливается. Я бы не выдержала.

– Это уж как пить дать, – громко сказала миссис Причард, перекрикивая трактор. Калвер открыл ворота, поднял лезвие, проехал через них и углубился в поле; тарактение постепенно стихало, прицеп пропадал из виду. – Я понять не могу, как она прямо в нем-то родила, – продолжала она обычным голосом.

Миссис Коуп, согнув спину, опять яростно выдирала сыть.

– У нас с вами столько всего, за что нужно быть благодарными, – сказала она. – Каждый день надо приносить благодарственную молитву. Вы не забываете?

– Нет, мэм, – сказала миссис Причард. – Надо же, она в нем четыре месяца была, когда забрюхатела. Я так перестала бы вовсе, ежели бы в него попала... как, по-вашему, они вообще...

– Я каждый день приношу благодарственную молитву, – сказала миссис Коуп. – У нас столько всего, если подумать. Нам столько дано... Господи, – она вздохнула, – у нас есть все.

И она обвела взглядом свои богатые пастбища, свои холмы, обильно поросшие лесом, и покачала головой, как будто все это было бременем, которое она не прочь стряхнуть со спины.

Миссис Причард посмотрела на лес.

– У меня только и есть что четыре больных зуба, – заметила она.

– Ну, значит, будьте благодарны, что не пять, – отпарировала миссис Коуп и швырнула назад еще один пучок травы. – Нас всех мог бы убить ураган. Я всегда нахожу, за что быть благодарной.

Миссис Причард взялась за мотыгу, прислоненную к стене дома, и легонько ударила по сорняку, торчавшему между двумя кирпичами дымохода.

– Вы-то конечно, – сказала она с долей презрения в голосе – чуть более в нос, чем обычно.

– Вот подумайте про всех этих несчастных европейцев, – говорила дальше миссис Коуп, – которых заталкивали в скотские вагоны и везли в Сибирь. Господи, – сказала она, – нам похорошему бы полжизни проводить на коленях.

– Была бы я в железном легком, кой-чего бы не делала, – сказала миссис Причард, почесывая голую щиколотку концом мотыги.

– Даже у этой несчастной женщины было многое, за что благодарить, – сказала миссис Коуп.

– За то, что еще не померла.

– Разумеется, – подтвердила миссис Коуп и нацелила на миссис Причард совок. – У меня самая ухоженная земля в нашем округе, а знаете почему? Потому что я работаю. Мне надо было работать ради спасения этой земли и работать, чтобы содержать ее в порядке. – Каждое слово она подкрепляла взмахом совка. – Я все стараюсь предусмотреть и беду на свою голову не ищу. Принимаю как оно есть.

– А вот ежели все разом вдруг навалится... – начала миссис Причард.

– Разом не навалится, – оборвала ее миссис Коуп.

Девочке видно было сверху то место, где грунтовая дорога выходила на шоссе. Она увидела, как у ворот остановился пикап и высадил троих мальчиков, которые затем пошли по розовой грунтовой дороге. Они приближались гуськом, тот, что посередине, клонился на сторону, потому что нес черный свиноподобный саквояж.

– Ну, а ежели, чего доброго, навалится, – сказала миссис Причард, – тут уж ничего не попишешь, только лапки кверху.

Миссис Коуп не удостоила это ответом. Миссис Причард сложила руки на груди и устремила взгляд вдоль дороги, как будто легко могла представить себе, что от всех этих расчудесных холмов вдруг разом ничего не осталось. Она увидела троих мальчиков – они уже были почти на дорожке, на ближних подступах.

– А гляньте-ка, – сказала она. – Что за компания к нам идет такая?

Миссис Коуп выпрямилась на коленях и посмотрела, подпирая себя сзади рукой. Трое приближались так, словно собирались пройти через стену дома. Тот, что с саквояжем, шел теперь впереди. В паре шагов от нее остановился и поставил саквояж на землю. Чем-то все трое были схожи между собой, разве только средний из них по росту был в очках с серебристой оправой и нес саквояж. Один его глаз немного косил, так что взгляд, казалось, шел с двух сторон разом, словно бы окружая их. На нем была фуфайка с выцветшим военным кораблем на груди, но грудь была такая впалая, что корабль переломился посередине и, казалось, вот-вот пойдет на дно. Его волосы прилипли к потному лбу. На вид ему было лет тринадцать. У всех троих – белые пронизывающие взгляды.

– Вы навряд ли меня помните, миссис Коуп, – сказал он.

– Твое лицо мне, конечно же, знакомо, – пробормотала она, разглядывая его. – Дай-ка вспомню...

– Мой папа работал тут у вас, – подсказал он.

– Бойд? – предположила она. – Твой папа мистер Бойд, а ты, по первым буквам, Джей Си?

– Не, я Пауэлл, второй за ним иду, подросток только малость, а папа мой помер. Нету его, скончался.

– Скончался. Ну надо же, – сказала миссис Коуп, как будто любая смерть – событие из ряда вон выходящее. – А что у него было?

Один глаз Пауэлла, казалось, обводил всю ферму широким кругом, обследуя дом, белую водонапорную башню позади него, курятники и пастбища, которые тянулись в обе стороны до первой линии леса. Другой глаз смотрел на миссис Коуп.

– Во Флориде помер, – сказал он и принялся пинать саквояж.

– Ну надо же, – пробормотала она. Спустя пару секунд спросила: – А твоя мама – она-то как?

– Опять замуж пошла. – Он не сводил взгляда со своей ноги, пинающей саквояж. Другие двое нетерпеливо смотрели на миссис Коуп.

– А где вы все живете сейчас? – спросила она.

– Атланта, – сказал он. – Ну, где застройка эта новая.

– Понимаю, – сказала она. – Понимаю. – Секунду помолчав, повторила это еще раз. Наконец спросила: – А кто эти мальчики? – И улыбнулась им.

– Этот вот Буллинс Хайд, а этот вот Пи Ти Харпер, – сказал он, дергая затылком сначала в сторону большего, затем в сторону меньшего.

– Здравствуйте, ребята, – сказала миссис Коуп. – Это миссис Причард. Мистер и миссис Причард работают здесь, нанялись мне помогать.

Миссис Причард смотрела на них испытующе, но они не обращали внимания на ее неподвижный взгляд. Все трое, похоже, выжидали, глядя на миссис Коуп.

– Так, ну хорошо, – сказала она, взглянув на саквояж. – Очень мило, что вы решили меня проведать. Очень любезно с вашей стороны.

Глаза Пауэлла, казалось, ухватили ее, как щипцы.

– Глянуть хотел, как вы тут поживаете, – промолвил он хрипло.

– Вот, понимаете, – сказал младший, – сколько мы с ним водимся, столько он нам это место хвалит. Говорит, тут чего только нет. Говорит, тут лошади. Говорит, ему в жизни нигде так здорово не было. Все время нам про это место.

– Хвалит и хвалит, не затыкается, – проворчал старший, проводя рукой вдоль носа, словно чтобы заглушить свои слова.

– Все время нам про то, как он тут на лошадях катался, – продолжал младший, – и, мол, нам он тоже позволит. Говорит, одного звали Джин.

Миссис Коуп постоянно пребывала в страхе, что кто-нибудь повредит себе что-нибудь на ее земле и отсудит у нее все.

– Они не подкованы, – быстро промолвила она. – Да, был такой Джин, но он издох, а вам, ребята, боюсь, нельзя ездить на лошадях, потому что это опасно. Можете расшибиться.

Она говорила очень торопливо.

Старший из мальчиков, неодобрительно хмыкнув, уселся на землю и принялся выковыривать пальцем камешки из своей теннисной туфли. Младший стрелял глазами туда-сюда, а Пауэлл крепко держал ее взглядом и ничего не говорил.

Минуту спустя младший подал голос:

– Вот, а знаете, чего он нам сказал один раз? Говорит, мол, хочу сюда, когда помру!

Несколько секунд миссис Коуп смотрела пустым взглядом; затем она покраснела; затем при внезапной мысли, что дети голодны, по ее лицу пробежала странная гримаса боли. У них потому такие глаза, что они хотят есть! Она едва не ахнула им в лицо, а потом быстро спросила, не хочется ли им подкрепиться. Они сказали – можно, но их лица, спокойные и неудовлетворенные, не просветлели даже самую малость. Пришедшие выглядели так, словно привыкли голодать и не ее это дело.

Девочка наверху залилась краской от волнения. Она стояла на коленях у окна, так что все ниже лба и глаз было обрезано подоконником. Миссис Коуп предложила мальчикам перейти к садовым креслам по другую сторону дома и повела их туда, а миссис Причард пошла следом. Девочка переместилась через коридор из правой спальни в левую и посмотрела вниз – туда, где стояли три белых садовых кресла и висел красный гамак, протянутый между двумя ореховыми деревьями. Двенадцатилетняя, полная, с бледным лицом, хмурым прищуром и большим ртом, в котором серебрились ортодонтические кольца, она опустила у окна на колени.

Три мальчика обогнули дом, и старший упал в гамак и зажег окурочек сигареты. Младший повалился на траву около черного саквояжа и положил на него голову, а Пауэлл сел на край одного из кресел, и вид у него был такой, словно он пытается охватить всю местность одним круговым вбирающим взглядом. Девочке слышно было, как ее мать и миссис Причард вполголоса совещаются на кухне. Она встала, вышла в коридор и нагнулась над перилами лестницы.

Ей видны были ноги миссис Коуп и миссис Причард, стоявших лицом друг к другу в заднем коридоре.

– Эти несчастные дети хотят есть, – сказала миссис Коуп помертвелым голосом.

– Вы сумку-то заметили? – спросила миссис Причард. – Уж не заночевать ли они тут у вас надумали?

Миссис Коуп тихонько вскрикнула.

– Это немыслимо – я не могу их тут оставить, тут только я и Салли Вирджиния, – сказала она. – Нет, я уверена, я их покормлю, и они уйдут.

– Я только знаю, что они с саквояжем, – сказала миссис Причард.

Девочка поспешила обратно к окну. Старший из мальчиков растянулся в гамаке, подложив под затылок перекрещенные запястья и дымя окурком, зажатым посередине рта. Как только миссис Коуп появилась из-за угла дома с крекерами на блюде, он выплюнул окурочек, отправив его по дуге. Она встала как вкопанная, словно ей под ноги кинули змею.

– Углинс! – сказала она. – Пожалуйста, подними. Я очень боюсь пожаров.

– Буллинс! – негодуя крикнул младший. – Буллинс!

Старший, не говоря ни слова, поднялся и, переваливаясь, пошел к окурку. Подобрал его, положил в карман и, стоя спиной к ней, стал изучать татуировку в виде сердца у себя на руке. Подошла миссис Причард, неся в одной руке за горлышки три бутылки кока-колы, и дала каждому одну.

– Я все тутошнее помню, – сказал Пауэлл, глядя в открытую бутылку.

– Твои родители тебя куда повезли отсюда? – спросила миссис Коуп и поставила блюдо с крекерами на подлокотник его кресла.

Он опустил глаза на крекеры, но не взял.

– Помню, одного звали Джин, а другого звали Джордж. Мы во Флориду подались, и мой папаша, вы уж знаете, помер, а мы оттуда к сестре моей, а мамка наша потом, вы уж знаете, замуж опять, ну, мы там и остались.

– Вот крекеры, угощайтесь, – сказала миссис Коуп и опустилась в кресло напротив него.

– Он Атланту не любит совсем нисколько, – сказал младший, приподнимаясь и равнодушно протягивая руку за крекером. – Ему только тут приятно, больше нигде. Вот я вам расскажу про него, мэм. Вот играем, например, в бейсбол, где там у нас, в наших домах, в бейсбол можно, а он вдруг, понимаете, раз – и стоп играть, говорит: «Черт, ну и конь же там был, Джин, вот бы его сюда – он бы у меня, к дьяволу, весь этот бетон копытами раздолбал!»

– Наверняка Пауэлл таких слов не употребляет, правда, Пауэлл? – заметила миссис Коуп.

– Нет, мэм, – сказал Пауэлл. Его голова была полностью повернута в сторону, как будто он прислушивался к лошадям в поле.

– Я такие крекеры не люблю, – сказал младший, положил свой обратно на блюдо и встал.

Миссис Коуп пошевелилась в кресле.

– Значит, вы, мальчики, обитаете в одном из этих симпатичных новых домов, – сказала она.

– Мы свой по запаху только отличаем, – проговорил младший. – Десять штук по четыре этажа друг за дружкой. Пошли лошадей посмотрим, – сказал он.

Пауэлл обратил свой прищемляющий взгляд на миссис Коуп.

– Мы в сарае вашем думали заночевать, – сказал он. – Нас мой дядя на своем пикапе привез, а утром он за нами заедет.

Несколько секунд она молчала, и девочка, смотревшая в окно, подумала: сейчас она взлетит из этого кресла и стукнется о дерево.

– Нет, боюсь, в сарае вам нельзя, – сказала миссис Коуп, внезапно вставая. – Там полно сена, и я боюсь огня ваших сигарет.

– Мы не будем курить, – сказал он.

– Нет, все равно, боюсь, вам нельзя в сарай, – повторила она, как будто вежливо объяснялась с гангстером.

– Мы можем тогда в лесу ночевку устроить, – сказал младший. – Одежла-то есть. В сумке в этой самой лежат. Пошли.

– В лесу! – сказала она. – Ну нет. В лесу сейчас очень сухо, я не могу позволить, чтобы в моем лесу курили. Вам надо будет разбить лагерь в поле, в этом вот поле, которое начинается от дома, там нет деревьев.

– Где она сможет за вами присматривать, – промолвила девочка вполголоса.

– В *ее* лесу, – пробормотал старший и вылез из гамака.

– Мы переночуем в поле, – согласился Пауэлл, но как будто обращаясь не к ней. – Я сегодня им все тут покажу.

Другие двое уже уходили, и он встал и побежал догонять, оставив женщин сидеть по разные стороны от черного саквояжа.

– Ни спасибо, ничего, – заметила миссис Причард.

– Нашим угощением они поиграли только, – произнесла миссис Коуп обиженно.

Миссис Причард высказала предположение, что они не любят *безалкогольное* питье.

– Вид у них был определенно голодный, – сказала миссис Коуп.

На закате они вышли из леса, грязные, потные, и, подойдя к задней веранде, попросили воды. Поесть не попросили, но миссис Коуп видела, что им хочется.

– У меня только холодная цесарка, – сказала она. – Будете цесарку и сэндвичи?

– Я цесарку не ем, у ней лысая башка, – сказал младший. – Курицу, индейку бы поел, а цесарку нет.

– Ее никакая псина не будет жрать, – сказал старший. На нем не было рубашки, он засунул ее сзади в штаны наподобие хвоста. Миссис Коуп тщательно старалась не смотреть на него. У младшего была царапина на руке.

– Вы ездили на лошадях, хотя я просила вас этого не делать, да, ребята? – подозрительным тоном спросила она, и они хором ответили: «Нет, мэм!» – громко, с энтузиазмом, как возглашают «Аминь» в сельских церквях.

Она пошла в дом сделать им сэндвичи и, делая их, вела с ними беседу из кухни: спрашивала, чем занимаются их отцы, сколько у них братьев и сестер, в какой школе они учатся. Они отвечали короткими взрывчатыми фразами, подталкивали друг друга локтями и сгибались пополам от хохота, как будто ее вопросы имели какой-то другой, неведомый ей смысл.

– У вас в школе учителя или учительницы? – спросила она.

– Понемножку того и другого, а есть такие – не пойми кто, – громко отозвался старший.

– А мама твоя работает, Пауэлл? – быстро спросила она.

– Она тебя спрашивает: работает твоя мама? – прокричал младший. – Он все о лошадях думает, только на них и глядел, – объяснил он. – Его мамка, да, она на фабрике работает, младших на него оставляет, да только он не очень-то за ними смотрит. Вот я вам расскажу, мэм: однажды он запер своего братишку в сундуке, да и поджег.

– Я уверена, что Пауэлл не мог так поступить, – сказала она, выходя с сэндвичами на блюде, и поставила его на ступеньку. Они тут же смели все с блюда, она взяла его и стояла с ним в руке, глядя на солнце, которое опускалось перед ними, почти уже коснулось линии деревьев. Распухшее, огненное, оно висело в истрепанной сетке облака – казалось, вот-вот прожжет ее и упадет в лес. Из верхнего окна девочка увидела, как мать содрогнулась и прижала руки к бокам.

– У нас так много всего, за что мы должны быть благодарны, – вдруг проговорила миссис Коуп голосом, полным скорбного изумления. – Вы, ребята, благодарите каждый вечер Господа за все, что Он для вас сделал? Благодарите вы Его за все?

Все трое мигом притихли. Они жевали свои сэндвичи, но пища словно потеряла для них всякий вкус.

– Благодарите? – не отступалась она.

Они молчали, как затаившиеся воры. Откусывали и глотали, не издавая ни звука.

– Ну а я благодарю всегда, – сказала она наконец, повернулась и пошла обратно в дом, и девочка увидела, что их плечи опустились. Старший вытянул ноги, точно высвободился из капкана. Солнце горело так, что казалось, оно хочет поджечь все вокруг. Белая водонапорная башня подернулась розовым глянцем, трава зеленела так неестественно, будто превращалась в стекло. Девочка вдруг далеко перевесилась из окна и, прищуриль глаза, громко проговорила: «Ффффууу», а затем как можно дальше высунула язык, словно ее сейчас вырвет.

Старший поднял голову и уставился на нее.

– Боже ты мой, – проворчал он, – еще одна женщина, сколько можно.

Она втянулась в комнату и встала спиной к боковой стене, яростно кося глаза, как будто получила пощечину, но не увидела от кого. Как только они сошли со ступенек, она спустилась в кухню, где миссис Коуп мыла посуду.

– Попадись мне только этот большой мальчишка! Я ему задам перцу, – сказала она.

– Держись подальше от этих ребят, – сказала миссис Коуп, резко обернувшись. – Где ты видела, чтобы леди задавала кому-то перцу? Держись от них как можно дальше. Утром они уедут.

Но утром они не уехали.

Когда миссис Коуп после завтрака вышла на веранду, они стояли около задней двери, пиная ступеньку. Они втягивали воздух, пахнувший беконом, который она поджарила на завтрак.

– Вы что, ребята? – спросила она. – Я думала, вы пошли к шоссе, чтобы дядя вас забрал.

В их лицах был тот же упрямый голод, что причинил ей боль вчера, но сегодня она ощущала легкое раздражение.

Старший мальчик тут же повернулся к ней спиной, а младший присел на корточки и начал чертить на песке.

– А мы не пошли, – сказал Пауэлл.

Старший повернул голову ровно настолько, чтобы увидеть малую часть миссис Коуп, и сказал:

– Мы ничему вашему вреда не делаем.

Он не мог видеть, как расширились ее глаза, но ему была доступна многозначительность ее молчания. Немного погодя она произнесла изменившимся голосом:

– Позавтракаете у меня, ребята?

– У нас своей еды завались, – сказал старший. – Нам ничего вашего не надо.

Она не сводила глаз с Пауэлла. В его худом бледном лице чудился какой-то невидящий, но нацеленный на нее вызов.

– Вы знаете, ребята, что я вам рада, – сказала она, – но вы должны вести себя как следует. По-джентльменски.

Они стояли около двери, каждый смотрел в свою сторону, и казалось, они ждут, чтобы она ушла.

– В конце концов, – промолвила она, вдруг повысив голос, – здесь моя земля.

Старший издал какой-то неопределенный звук, они повернулись и двинулись к сараю, а она осталась стоять с потрясенным видом, как будто в нее среди ночи ударил луч прожектора.

Через некоторое время пришла миссис Причард. Не входя в кухню, она прислонилась щекой к косяку двери.

– Ну вы знаете, конечно, что они полдня на лошадях гарцевали, – сказала она. – Стащили из сбруйной уздечку и катались себе без седла, Холлис их видел. В девять вечера вчерась он их из сарая выгнал, утром сегодня он их шуганул из молочной, так у них все губы были в молоке – пили из фляг.

– Этого я не могу потерпеть, – сказала миссис Коуп и, стоя у раковины, сжала в кулаки опущенные руки. – Не могу потерпеть. – Лицо у нее было такое же, как в цветнике, когда она выпалывала сор.

– А что вы с ними сделаете? – сказала миссис Причард. – Мне думается, они тут неделю будут гостить, или когда там школа начинается. Решили каникулы себе устроить за городом, и ничегошеньки вы с ними не сделаете, сдать только, ручки сложить, ничего не напишешь.

– Я сдаваться не собираюсь, – возразила миссис Коуп. – Скажите мистеру Причарду, чтобы завел лошадей в конюшню.

– Он завел уже. Вот скажите: другой раз тринадцать лет мальчишке – а по зловредству не иначе как вдвое больше. И не поймешь, что он новое вздумает. Никогда не будешь знать, откуда еще ждать проказы. Нынче утром Холлис их за бычачьим загоном увидел, и этот большой спрашивает, есть тут где умыться, а Холлис ему – нет, негде вам тут, и, мол, хозяйка не хочет, чтобы ребятня разбрасывала окурки в ее лесу, а он на это: «Не хозяйка она лесу этому», а Холлис ему: «Еще какая хозяйка», и тогда этот, маленький самый, говорит: «Бог этому лесу хозяин, и ей тоже», а потом этот, очкастый, говорит: «Она, небось, и небу над всем этим хозяйка», а маленький говорит: «Небу хозяйка, и самолет никакой не пролетит, ежели она не позволит», и тогда большой: «Первый раз вижу так много чертовых баб в одном месте, как вы терпите-то?» – и Холлис тогда им всем: «Хватит, наслушался», повернулся и пошел, не стал больше разговаривать.

– Пойду скажу этим ребятам, что они смогут уехать на молочном грузовике, – сказала миссис Коуп и вышла через заднюю дверь, оставив миссис Причард и девочку вдвоем в кухне.

– Знаете что, – сказала девочка. – Я с ними быстрее могу управиться.

– Да неужто? – промолвила миссис Причард, посмотрев на нее долгим косым взглядом. – И как же ты с ними справишься?

Девочка сцепила руки и скривила лицо, изображая, что душит кого-то.

– Это они с тобой управятся, – сказала миссис Причард с удовлетворением.

Чтобы не быть с ней в одной комнате, девочка поднялась к верхнему окну, и оттуда она увидела, как ее мать возвращается от троих мальчиков, которые сидели на корточках под водонапорной башней и что-то ели, запуская руки в коробку из-под крекеров. Девочке слышно было, как мать вошла в кухню и сказала:

– Они говорят, они поедут на молочном грузовике, и ничего удивительного, что они не голодные: из того, что у них в саквояже, еды добрая половина.

– Как пить дать, всё стибрили где-то, – сказала миссис Причард.

Когда подъехал молочный грузовик, ребят нигде не было видно, но, как только он отбыл без них, три физиономии появились в просвете под крышей телятника.

– Ну как с этим быть? – сказала миссис Коуп. Она стояла у одного из верхних окон, уперев руки в бока. – Я бы рада им была, если б не их поведение.

– Тебе ничье поведение не нравится никогда, – сказала девочка. – Пойду скажу им, чтобы через пять минут их тут не было.

– Ты к этим мальчишкам и близко не подойдешь, слышала меня? – сказала миссис Коуп.

– Почему? – спросила девочка.

– Я выйду сейчас и сделаю им внушение, – сказала миссис Коуп.

Девочка заняла наблюдательный пункт у окна, и через несколько минут под солнцем ярко зазеленела крепкая широкополая шляпа ее матери, переходящей дорогу по пути к телятнику. Мгновенно три физиономии исчезли из просвета, и несколько секунд спустя старший метнулся через поляну, а за ним, чуть отстав, двое других. Вышла миссис Причард, и две женщины двинулись к рощице, где скрылись мальчишки. Вскоре две солнечные шляпы исчезли под деревьями, а трое ребят выбежали из рощи с левой стороны и рванули через поле к другому скоп-

лению деревьев. Когда миссис Коуп и миссис Причард добрались до поля, там уже было пусто, и им ничего не оставалось, как отправиться восвояси.

Миссис Коуп вернулась в дом, но ненадолго: прибежала миссис Причард, что-то крича.

– Они быка выпустили! – голосила она. – Выпустили быка!

Чуть погодя появился и сам черный бык, он приближался ленивой иноходью, следом – четверо шипящих гусей. Если этого быка не торопить, он обычно был не злой, и мистер Причард и двое негров водворяли его обратно в загон целых полчаса. Пока мужчины были этим заняты, мальчишки слили масло из трех тракторов и опять исчезли в лесу.

У миссис Коуп по обе стороны лба выступили голубые жилы, и миссис Причард отметила это про себя с удовлетворением.

– Что я вам говорила, – сказала она. – Ничегошеньки вы с ними не сделаете.

Миссис Коуп пообедала второпях, даже шляпу снять забыла. При любом звуке снаружи она подскакивала. Едва она кончила обедать, пришла миссис Причард.

– Хотите знать, где они сейчас? – спросила она и усмехнулась усмешкой вознагражденного всезнания.

– Хочу, скажите немедленно, – сказала миссис Коуп и выпрямилась чуть ли не по-военному.

– Там, на дороге, камнями швыряются в ваш почтовый ящик, – сообщила ей миссис Причард, удобно прислонившись к дверному косяку. – Почти сшибли его со столба уже.

– Пошли в машину, – сказала миссис Коуп.

Девочка тоже в нее села, и втроем они поехали по грунтовой дороге к воротам. Мальчишки сидели на высокой придорожной насыпи по ту сторону шоссе и кидали через него камни, метя в почтовый ящик. Миссис Коуп остановила машину почти прямо под ними и посмотрела на них снизу вверх через окно. Все трое уставились в ее сторону, как будто в первый раз ее увидели: старший угрюмо, насупленно, младший с блеском в глазах и без улыбки, а Пауэлл сквозь очки, своим двусторонним взглядом, безучастно повисшим поверх покалеченного корабля на его фуфайке.

– Пауэлл, – сказала она. – Наверняка твоей маме было бы за тебя стыдно.

Она замолчала и стала ждать действия этих слов. В лице Пауэлла что-то слегка дернулось, но он продолжал смотреть сквозь нее неизвестно на что.

– Я терпела это сколько могла, – сказала она. – Я старалась, мальчики, быть к вам доброй. Ну скажите, ребята, разве я не была к вам добра?

Их можно было бы принять за три статуи, если бы старший, едва раздвинув губы, не произнес:

– Мы даже не на вашей стороне дороги.

– И ничегошеньки вы с этим не сделаете, – громко прошипела миссис Причард. Девочка сидела на заднем сиденье близко к двери. Лицо у нее было возмущенное, яростное, но она откинула голову назад, чтобы они не могли увидеть ее через окно.

Медленно, нажимая на каждое слово, миссис Коуп проговорила:

– По-моему, мальчики, я была к вам очень добра. Я покормила вас два раза. Сейчас я еду в город, и если, когда вернусь, вы еще будете здесь, я обращусь к шерифу.

Сказав это, она повела машину дальше. Девочка, быстро повернувшись к заднему окну, увидела, что они не пошевелились. Даже голов не повернули.

– Ну все, теперь они на вас озлились, – сказала миссис Причард, – и почему знать, что они вытворят еще.

– Когда мы вернемся, их тут не будет, – сказала миссис Коуп.

Миссис Причард плохо переносила разрядку, спад. Для равновесия ей нужно было время от времени ощущать вкус крови.

– У меня знакомый был, – сказала она, – так его жену девчонка отравила, которую она удочерила по доброте.

Когда они вернулись из города, мальчишек на насыпи не было, и миссис Причард заметила:

– Хуже, что их нет, лучше б я их видела. Когда видишь, хоть знаешь, чем они заняты.

– Глупости, – пробормотала миссис Коуп. – Я их припугнула, и они ушли, можно про них забыть.

– Я забывать не собираюсь, – сказала миссис Причард. – Чего доброго, у них пистолет может быть в сумке, с них станется.

Миссис Коуп гордилась тем, как она управлялась с образом мыслей миссис Причард и ей подобных. Знаки и предзнаменования, которые видела миссис Причард, она обычно спокойно разоблачала как плоды воображения; но сегодня она вся была на нервах.

– Перестаньте, довольно с меня этого, – сказала она. – Мальчишки ушли, точка.

– Поживем – увидим, – промолвила миссис Причард.

До ужина все было тихо, но под вечер пришла миссис Причард с известием, что слышала из кустов рядом со свинарником пронзительный безобразный хохот. Это был скверный хохот, полный нарочитого зловредства, и она слышала его три раза, отчетливо, своими ушами.

– Я ничего не слышала, – сказала миссис Коуп.

– Стемнеет – и они что-нибудь вытворят, – сказала миссис Причард.

Миссис Коуп и девочка сидели потом на веранде почти до десяти часов, но ничего не произошло. Слышно было только кваканье древесных лягушек, да еще все торопливее и торопливее из одного и того же места во тьме голосил козодой.

– Нету их, ушли, – сказала миссис Коуп. – Бедные ребята.

И она принялась втолковывать девочке, что за очень-очень многое они с ней должны быть благодарны: они могли бы обитать в этих городских новостройках для малоимущих, могли бы негритянками родиться, могли бы оказаться в железных легких, могли бы в Европе быть среди тех, кого заталкивали в вагоны для скота. А дальше каким-то разбитым голосом она начала перечислять все хорошее, что выпало девочке, но та не слушала ее, боясь пропустить внезапный крик в темноте.

До утра, однако, все было спокойно. Крепостная стена деревьев синела, как твердый гранит, ночью поднялся ветер, и солнце, взойдя, было бледно-золотым. Близилась смена времени года. Миссис Коуп даже за небольшую перемену погоды всегда была благодарна, а уж когда одно время года уступало место другому, она, казалось, чуть ли не страх испытывала перед своим счастливым везением, спасавшим ее от того, что ей угрожало. Сегодня, как с ней иногда бывало, когда одно окончено, а другое еще не началось, она обратила внимание на девочку. Та поверх платья напялила на себя комбинезон и, как могла, низко натянула на голову старую мужскую фетровую шляпу; к поясу привесила декоративную кобуру с двумя пистолетами. Шляпа едва налезла и, казалось, нагоняла в лицо краску. Она была нахлобучена почти до очков. Миссис Коуп смотрела на девочку трагическим взором.

– Ну что за вид ты приняла идиотский? А вдруг придет кто-нибудь? Когда ты повзрослеешь наконец? Что из тебя вырастет? Смотрю на тебя, и плакать хочется! Иногда мне кажется, что ты дочка миссис Причард, а не моя!

– Оставь меня в покое, – огрызнулась девочка. – Оставь меня в покое, и все. Я – не ты.

И отправилась в лес, как будто выслеживать врага, – голова выпячена вперед, в каждой руке по пистолету.

Миссис Причард пришла в кислом настроении, потому что не случилось ничего ужасного, о чем она могла бы сообщить.

– Нынче у меня во рту беда, – сказала она, дорожа тем, из чего могла выжать хотя бы что-то. – Уж эти мне зубы... Каждый как отдельный чирей ноет.

Девочка пробиралась через лес, опавшие листья у нее под ногами шуршали зловеще. Солнце поднялось немного выше и было всего лишь круглым отверстием, пропускающим ветер и чуть более светлым, чем окружающее небо. Вершины деревьев чернели на светоносном фоне. «Я с вами с каждым разберусь отдельно, вы у меня получите. Стоять смирно! СТОЯТЬ СМИРНО!» – скомандовала она и взмахнула одним из пистолетов, проходя мимо группы голоствольных сосен вчетверо выше нее. Она двигалась вперед, бормоча и ворча себе под нос, и то и дело отпихивала одним или другим пистолетом ветку, которая мешала ей идти. Порой останавливалась вытащить из одежды колючку, говорила: «Оставь меня в покое, тебе сказано. Оставь меня в покое», наподдавала кусту пистолетом и шла дальше.

Увидев пенек, села передохнуть, но твердо, аккуратно уперла в землю обе ноги. Несколько раз приподняла каждую и опустила, яростно двигала подошвами взад-вперед, словно давила что-то, втирала в почву. Вдруг послышался смех.

Она села прямо, по коже поползли мурашки. Снова смех, потом плеск воды. Она встала, не зная, в какую сторону бежать. Недалеко от того места перелесок кончился и начиналось заднее пастбище. Она двинулась к пастбищу, стараясь перемещаться беззвучно, и, внезапно дойдя до его края, увидела в каком-нибудь десятке шагов троих мальчишек. Они купались в коровьей поилке. Их одежда лежала кучей около черного саквояжа в стороне от воды, переливавшейся через край. Старший стоял в поилке, младший пытался забраться к нему на плечи. Пауэлл сидел и, не обращая внимания на тех двоих, смотрел прямо перед собой через очки, забрызганные водой. Деревья сквозь мокрые стекла, должно быть, выглядели зелеными водопадами. Девочка встала у сосны, частично закрытая стволом, и прижала щеку к его коре.

– Вот бы тут совсем поселиться! – крикнул младший, удерживаясь за счет коленей, сжимающих голову старшего.

– Хрена лысого я бы тут жил, – пропыхтел старший и подпрыгнул, чтобы свалить младшего со своих плеч.

Пауэлл сидел не шевелясь, он, казалось, даже и не знал, что те двое плещутся за ним, и смотрел вперед, напоминая привидение, воссевшее в гробу.

– Если б этого всего тут не стало, – сказал он, – больше не надо было бы про это думать.

– Слушайте, – сказал старший; он теперь спокойно сидел в воде, младший так и не отцепился от его плеч. – Оно ж ничье, место это.

– Оно наше, – сказал младший.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.